

303	0248-01	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 1 "Ева и Адам"
304	0248-02	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 2 "Всё мало мне"
305	0248-03	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 3 "Люди-пассажиры"
306	0248-04	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 4 "Всех убитых дети"

"Размышления на вокзале" (Коренбит – Семёнов)

Часть 1 "Ева и Адам"

1. Давай резвиться – 0.58
2. Снежный сад – 2.42
3. Ищу следы – 1.02
4. Весневеют небеса – 1.25
5. Ночная гроза – 1.40
6. Дождь – 1.47
7. Над рекою – 2.05
8. Вопросы – 1.09
9. Ева и Адам – 2.22
10. Поясок – 2.36
11. Ночные превращения – 1.21
12. Так вот – 1.14
13. Утро до войны – 1.29
14. Утро вечера мудренее – 1.19
15. Сентябрь – 1.23
16. К яблоку – 1.12
17. Приходи сегодня – 1.28
18. Похолодание – 2.24
19. Переменная облачность – 1.36
20. Смена времени года – 1.40
21. Заморозки – 1.37
22. Зазимок – 1.25
23. В собственном доме – 1.18
24. Много ль надо! – 1.29
25. Кукушкин метроном – 1.23
26. Выехали засветло – 2.23
27. Транзитные уюты – 1.03
28. Я стал горожанином – 1.39

Общее время звучания – 45.09

Общее время звучания – 188.28

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 "Ева и Адам"

1. ДАВАЙ РЕЗВИТЬСЯ

Ну что ж, дружок, ну что ж,
давай резвиться в жмурки!

Куда как ты хорош
в чужой своей тужурке.

Куда как ты крылат
своим восторгом нищим.
Для нас припрятан клад,
а мы его не ищем.

Не то чтоб вовсе лень,

а как-то неохота.
Ведь каждый Божий день
задуман как суббота.

А если ты неправ —
тебя поправит время.
Куда как ты кудряв
бесстыдно перед всеми!

В снегу себя купай,
бей в обе рукавицы...
Студентик, шалопай,
резвись, пока резвится!

2. СНЕЖНЫЙ САД

За ночь легкий выпал снег,
сад мой запорошило,
всех угадываю, всех,
кто гостил непрошенно!

Вдоль березок молодых
к старому курятнику
лисьи тянутся следы
цепкой аккуратненькой.

По искристой целине —
птичьих лап петелины,
как узор на полотне,
вышитый затейливо.

Мелко, вдоль и поперек,
с росчерками, бисером,
исследил снега хорек,
словно век был писарем.

В огород — наперебой
лакомства выискивать
зайцы шли и всей гурьбой
подгрызали изгородь.

А в сугробе — воробей.
Эка жизнь короткая! —
Стайкой пой и стайкой пей,
а помрешь сироткою!

И наутро — хоть бы хруст!
Тени ходят синие.
Спит смородиновый куст
в непробудном инее,

солнце машет через дым
полушалком розовым...

Хорошо искать следы
во саду березовом!

3. ИЩУ СЛЕДЫ

Брожу-блуждаю по лесу,
с деревьями дружу.
До самого до пояса
в сугробы захожу.

Шепчу стихи старинные,
свищу на все лады.
Ищу следы звериные
и девичьи следы.

Вот под сосною — беличьи,
вот — заячий поскок.
Но затерялись девичьи —
совсем я сбился с ног!

Куда они девались, —
ищи теперь, свищи?!
Закатные из-за леса
ложатся вкось лучи.

На грудь метель бросается
и щеки лижет мне...
Ау, моя красавица,
в какой ты стороне?

4. ВЕСНЕВЕЮТ НЕБЕСА

Так случается весной:
выйдешь в сад — навстречу темень.
Сразу радостным смятеньем
с головы до ног набряк.

Тополя листвою бредят.
Снегу только и осталось —
неопрятнее, чем старость,
между яблонь дотлевать.

Ты же выглядишь героем —
так еще немноголетен,
так еще ни тем, ни этим
запятнаться не успел!

Никаких тебе отметин,
никаких тебе реликвий...
К темноте глаза привыкли,
к ветру влажному душа.

И гуляешь нараспашку
по всему пространству сада:

небеса-то, небеса-то —
весневеют небеса!

5. НОЧНАЯ ГРОЗА

Весь день собиралась гроза,
хлынуло ночью.
Стакан засветился насквозь
рядом с тетрадью.
Слепея скользнули глаза
по междустрочью.
И — хлынуло, и — понеслось
по междугрядью.

Наверное, кажется мне,
но не упомню,
была ли хоть вспышка одна,
чтоб оглядеться? —
Все небо являло в окне
каменоломню,
восторгом несло из окна,
словно из детства.

Потом уже сад попривык.
Слышно, как рос он.
Земля замирала сочась,
пахло листвою.
Увидел я — мой черновик
кем-то набросан,
а стало быть, в мире сейчас
было нас двое.

6. ДОЖДЬ

Не только пыльный подорожник
был с первой капли пригвожден, —
дождь выбил сто из ста возможных,
пока не стал-таки дождем.

Листва взорвалась от оваций,
трава шумела, как могла,
из лога в лог передаваться
пошла гульливая молва.

Мрачнел один лежащий камень:
не вольнодумство ли опять
мелкокалиберным сверканьем
ладони листьев наполнять?!

7. НАД РЕКОЮ

Сладок посвист козодоя.
Засинелось поле.
Песня стелется водою,
тихая до боли.

И томит она, заботит
позднюю девчонку,
что белье вальком колотит
на мостках внаклонку.

Да и парень, подгулявший,
видимо, в райцентре,
то ли плачет, то ли пляшет
у забитой церкви.

Пар плывет белесоватый,
берег размывает.
На два голоса солдаты
на мосту спивают.

8. ВОПРОСЫ

Комариная толока,
завтра жаркий будет день.
Небеса лежат широко
меж заречных деревень. —
Что же мне так одиноко?

Вспыхнет робкая звезда
в чистом поле, над овином.
И туманы, как стада,
разбредутся по долинам. —
Что же нам не как всегда?

Вечер медленный, субботний,
дольше в избах огоньки.
И казалось, беззаботней
нам стоит у реки. —
Что же иначе сегодня?

9. ЕВА И АДАМ

Не зная ни страха, ни гнева,
стоят, улыбаются нам —
лукавая девочка Ева,
доверчивый парень Адам.

От них еще скрыто, что будет
и райское древо, и змей,
и яблоко, что их разбудит, —
настолько всех яблок вкусней.

И первое в мире признание,
любовь, и блаженство, и стыд,
и первое в мире изгнание,
когда их Господь не простит.

И те — материнские муки,

и тот — земледельческий пот,
и дети, и внуки, и внуки,
и весь человеческий род.

Его плодоносное древо,
привитое к райским корням...
Какая ж ты умница, Ева!
Готовься к бессмертью, Адам!

10. ПОЯСОК

На тебе цветистый поясок,
к волосу положен волосок, —
ты прошла вечерней луговиной
словно солнца свет — наискосок.

Захотела к роще подойти,
я — как тень у солнца на пути;
легкий шаг замедлила, вздохнула —
дай дорогу, дескать, пропусти!

Друг за дружкой в рощу, след во след
так мы и вступили, тень и свет, —
жаркий полусумрак, и меж нами
никакой границы больше нет.

А идем обратно сквозь лесок —
нависает прядка на висок
и никак не свалится листочек,
зацепившийся за поясок.

11. НОЧНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Рук твоих ночные превращения!
Невзначай расплещешь два крыла,
и опять перед тобой ни с чем я:
гордость, горесть — все отобрала!
Нищий... Нет, ни шопотом, ни жестом
не ответствуй, не благотвори!..
Чуть мерцают в изумленье женском
детские припухлости твои.
Их обидеть — слаще святотатства:
Но еще бессовестней — опять
ребрышек сквозь пух не доискаться,
до глубин твоих не доласкаться —
чуда твоего недопонять!

12. ТАК ВОТ

Так вот и вышли к реке,
так и вступили
в эту купель налегке,
так вот и пили —
эту, глоток за глотком,
чистую волю,

это, цветок за цветком,
чистое поле,
это — вразлет по холмам —
чистое небо,
эту — столь внятную нам —
чистую негу...
... Капли с локтей и с колен
выход на сушу.
Только и можем взамен —
чистую душу.

13. УТРО ДО ВОЙНЫ

Плечи солнечного обжига
и ложбинка вдоль спины.
Губы, пьющие из ковшика,
будто чем обведены.

Платье так и не накинуто —
окупаться бы в зарю...
Ах, не теми все какими-то
я словами говорю!

Просто сердца замирание,
как на выдохе волны...
Вот какое было раннее
это утро до войны!

14. УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ

Не расстраивайся, не плачь,
утро вечера мудренее.
За рекою скрипит дергач,
стог нахохлился, цепеня.

Провинился я, может, в чем? —
Передергиваешь плечом.
У тебя ли случилось что? —
Молча кутаешься в пальто.

В чистом поле сосна. Над нею —
самолет ли, звезда вдали.
Утро вечера мудренее.
Для тебя. Для нас. Для земли.

15. СЕНТЯБРЬ

Что сентябрю от августа досталось?
Листвой владеет полная усталость.
Не выползает из оврагов мгла.
Сквозняк на раздорожье гложет спину.
И я — с трудом тащу свою корзину,
хотя она совсем не тяжела.

И вдруг через неделю — бабье лето.

Пошли грибы совсем другого цвета —
в любом пролеске, в рощице, в саду. —
И долго шли. И долго не хотелось
церковных галок слышать оголтелость
и что-то все свистелось на ходу.

16. К ЯБЛОКУ

О яблоко с кружочком тени,
веселый сгусток сентября!
Двух самых высших тяготений
мир не узнал бы без тебя.

А вот любимая забыла,
она в слезах, я сам не свой.
Напомни ей, как это было, —
сорвись, сорвать себя позволь.

И, если перестанет плакать,
самозабвенно подари:
ей — ослепительную мякоть,
мне — тайну зернышек внутри.

17. ПРИХОДИ СЕГОДНЯ

Чем твои наполню горсти?
Что возьму себе на память?
Приходи сегодня в гости,
дождь по стеклам барабанить
я заставлю для тебя,
лампу я заставлю книгой
от тебя, чтобы дремала...
Так уж разве это мало —
вечность вместо октября?!

Приходи сегодня в гости,
награди меня обидой.
Все слова уже — как гвозди:
столько в стены эти вбито
слов, торчащих вкривь и вкось...
Хочешь, я заставлю флейту
для тебя свистеть, как в роще?
Кажется, чего бы проще —
душу вымолчать насквозь?!

18. ПОХОЛОДАНИЕ

Ты принесешь глаза, ты принесешь слова,
ты плечи принесешь, и мне в ладони
осмелишься наивно положить.
Я задохнусь, приму твоих щедрот
восторг и муку, и сладостно почувствую,
как меркнут глаза, как зябнут плечи,
как слова слипаются в бессмысленное слово.
Отчаянно поверю, что во мне —

подобье Бога в первый день творенья!
Да будет свет!..
А через многотрудное мгновенье
куда не знаю деть свое лицо. —
Что горестней? Покажется, я просто
слепой гончар: как было не найти
для твоего сияющего тела
конечной формы, звонкости,
которой ты так ждала!
Всего, наверно, было бы честней
вот так и умереть, не замечая
похолодевших губ, помолодевших глаз...

19. ПЕРЕМЕННАЯ ОБЛАЧНОСТЬ

Сухая высокая смесь
сосны и осины.
У солнца осеннего есть
испуг страусиный.

И там, в городах, за семью
печатами века, —
в саду, в листопад, на скамью
по полчеловека.

Снять лишнюю кофту — ни-ни,
и зонтик на случай, —
от вашей небось воркотни
и солнце за тучей!

А надобно верить добру:
из лужи недавней
полнеба в ладони беру —
такая вода в ней!

И, если б не эта стерня,
такая свобода, —
как будто ни времени дня,
ни времени года.

Ни горестных в жизни минут,
ни старости нету...
А тени бегут и бегут
по белому свету.

20. СМЕНА ВРЕМЕНИ ГОДА

Прекрасной осени не стало поутру. —
Не так ли вот и я когда-нибудь умру.

Никто не уследит скупого перехода —
одним дыханием — в другое время года.

Мне было холодно — и кончился озноб.

Большая тишина легла на чистый лоб.

Земных моих дорог тела кровоточащие
в прожилках инея валяются за чашею.

И поднимаются все выше облака.

И понимается по-новому тоска.

И ветер песенку безжалостно высвистывает
про житие мое — простое и неистовое.

21. ЗАМОРОЗКИ

Нет, не уснуть, беда.
Выйду на спящий двор.
В бочке стынет вода,
синяя, как топор.

И покажется мне,
что, источая свет,
звезды лежат на дне
горстью мелких монет;

и что сам я стою,
словно мальчик из сна,
на неверном краю
ямы, где нету дна;

и сквозь бездонность лет,
через кромешность верст
вот уж лечу на свет
потусторонних звезд...

Вздрогну я оттого,
что неприметный ледок
бездну над головой
выдернет из-под ног.

22. ЗАЗИМОК

А синица — тут как тут,
в раму — тук да тук.
«Выходи, тебя зовут» —
значит этот звук.

В небо розовый дымок
лезет из трубы.
Проверяю легкость ног
твердостью тропы.

Закуржавело в логу,
стихло над ручьем.
О вчерашнем не могу
вспомнить ни о чем.

Дальний сосен перескрип,
перистый зенит.
И насквозь промерзший гриб,
тронешь — зазвенит.

23. В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ

Мальчик стал вежливым мужем,
девочка матерью стала.
Больше не ходим по лужам,
по переулкам устало
больше не кружим.

Служим тщете и минуте,
целыми днями в закруте,
даже целуемся вяло.
Перипетий-перепутий
как не бывало!

Не пребываем в истоме,
не уповаем на случай...
— Все как положено, кроме
чувства бездомности жгучей
в собственном доме.

24. МНОГО ЛЬ НАДО!

Глухой разъезд. Всего и славы,
что поезда здесь ходят *в Крым*.
Дорогой дальней пахнут травы
и на деревьях виснет дым.

И рельс обнюхивают козы,
и любопытство на устах.
Вдогонку шепчутся березы,
как бы на цыпочки привстав.

А нам с тобою — много ль надо!
Есть небо, дышится под ним.
Ты — ревеневой дудке рада,
я — восклицаниям твоим.

И сердце никуда не хочет,
покой — огромный и ничей.
Лишь путевой поет обходчик
в веригах гаечных ключей.

25. КУКУШКИН МЕТРОНОМ

Электричка отгудела.
Тишина во весь размах.
Иногда большое дело —
заблудиться в трех соснах.

Разговоры наши глуше,
цвета глаз не угадать.
Стой под деревом и слушай,
как нисходит благодать!

Все обиды и невзгоды
тают в сумраке лесном.
И отсчитывает годы
нам кукушкин метроном.

26. ВЫЕХАЛИ ЗАСВЕТЛО

Выехали засветло, и звезды
нас уже догнали в чистом поле.
Холода бежали из-под стражи
и ледком в колдобинах легли.
Ведать мы не ведали дотоле
как тягучи ветреные версты:
еле-еле двигались пейзажи,
на небо сквозящие вдали.

Плыли: силуэт безглавой церкви,
два коня стреноженных на воле,
мельница с ненужными крылами,
хутор с покосившейся трубой. —
В чуть зеленоватом чистом поле
скулы нам сводило, пальцы терпли.
За горами где-то, за долами
счастье нам обещано с тобой.

27. ТРАНЗИТНЫЕ УЮТЫ

А мы не устаем
все время быть толпою:
и не вдвоем с тобою —
на свете мы вдвоем.

На все четыре стороны,
навстречу всяким случаям —
пока не арестованы
тупым благополучием.

Купе или каюты,
транзитные уюты.
Чужие номера,
комфорты до утра.

Двугривенный в кармане,
вокзальное тепло.
Не обращай вниманья,
что с туфель натекло!

Весь белый свет распахнут,
зачем же видеть пятна?

Вон даже хлебом пахнет
из булочной бесплатно!

28. Я СТАЛ ГОРОЖАНИНОМ

Я стал горожанином: стал
в вокзальном бывать ресторане.
Всегда, приходя на вокзал,
вдыхаю тоску расстояний
с покрытых испариной шпал.

Здесь рельсы в прогорклый тупик
вонзают беззлюбные бивни,
а вижу — летят напрямик,
сквозь дебри летят и сквозь ливни,
как непререкаемый крик.

Здесь ветер зовут сквозняком,
а там не нужны ему святцы:
он каждой травинке знаком,
и каждой душе целоваться
с разгульным своим земляком.

Здесь люди, глаза застеклив,
незрячесть оставили в силе;
для них за перроном — обрыв,
и невозвратимость России
страшит их и тешит, как миф.

Я стал горожанином. Зов
гудка из предместий — как ржанье,
как древний восторг петухов...
Вот так и живем, горожане,
вокзальных боясь сквозняков!